

Фу Чжюй считал, что в гареме любимым человеком Фу Цинъяна была его мать, но эта так называемая любовь тоже была сравнительной. Если сравнивать её с властью, то это было ничто.

Но Фу Цинъянь не мог быть по-настоящему безжалостным. В его сердце жила любовь, поэтому его чувства к супруге Юнь были очень сложными. Это была любовь, смешанная с чувством вины, но он не осмеливался быть несдержанным, боясь, что эта уникальная эмоция будет использована, чтобы нарушить баланс, который он поддерживал.

Особенно когда Фу Чжюй повзрослел и проявил разные таланты и способности. Фу Цинъянь в душе радовался за этого ребёнка, ведь это был сын, родившийся у женщины, которую он любил больше всех. Кто не хочет, чтобы его любимый ребёнок хорошо себя проявил? Но с другой стороны, он не осмеливался быть слишком предвзятым и не хотел проявлять излишнюю благосклонность.

Каждый хочет оставить любимому ребёнку самое дорогое, в том числе и трон, но если Фу Цинъянь будет слишком явным, то семьи Линь и Сюэ, которые всё ещё были у власти, не успокоятся и доставят ему бесконечные неприятности.

В природе Фу Цинъяна было поддерживать баланс, и это было то, что он должен был делать в своём положении императора.

Император Цинъюань не мог не думать о том, что было бы здорово, если бы Фу Чжюй был бы принцессой. Это имя было дано ему ещё до того, как супруга Юнь родила его. Чжюй (zhī = знать, yù = нефрит) звучало как имя для нежной девушки. Если бы она была похожа на его любимую супругу, было бы ещё лучше. Он бы бесконечно любил свою дочь и баловал её, превратив в самую изнеженную знатную даму в мире. Но, вопреки его надеждам, родился мальчик.

Этот ребёнок был очень похож на его любимую супругу, и характер у него тоже был похожим. Иногда его образ пересекался с образом Юань Ваньюнь, знаменитой столичной красавицы в молодости, из-за чего император Цинъюань долгое время чувствовал себя ошеломлённым.

Но сообразительность Фу Чжюя иногда заставляла его чувствовать страх. Это была инстинктивная бдительность императора. Трон Фу Цинъяна достался ему нелегко. Он был слишком озабочен своим положением и всегда чувствовал себя неловко.

Он извлёк уроки из неудачного опыта двух последних императоров, не чаял души ни в ком в гареме и с осторожностью делил дождь и росу между наложницами, чтобы избежать ситуации, которая чуть не привела к упадку императорской власти семьи Фу из-за отсутствия детей. Сейчас во дворце было более дюжины детей, в том числе семь принцев. Старшему принцу в этом году исполнился двадцать один год, а самому младшему, Шестнадцатому принцу, было всего шесть месяцев. Наконец-то Фу Цинъянь разрешил свои скрытые тревоги, но с увеличением числа детей появились новые заботы.

Когда Фу Чжиюй увидел эти два указа, он уже догадался о ходе мыслей императора Цинъюаня. Он читал оригинальную книгу и хорошо знал повороты сердца императора Цинъюаня. И хотя, по его мнению, тот совершенно перемудрил, Фу Цинъянь действительно был таким человеком.

Очень утомительно всё время защищаться и волноваться, особенно перед любимой женщиной.

То, что Фу Чжиюй поглупел, позволило защитному уму императора Цинъюаня, наконец, временно отпустить некоторые заботы, или, возможно, он, наконец, нашёл причину, чтобы отпустить.

Он наконец почувствовал, что этот ребёнок и женщина, которую он любил, могут быть полностью под его контролем и не создадут никаких тревожных факторов для него в будущем, не говоря уже о том, чтобы оказать какое-либо влияние на баланс. В кои-то веки он мог быть безрассудным, поэтому не было ничего плохого в том, чтобы побаловать его ещё немного.

Супруга Юнь также хорошо знала Фу Цинъяна. Если Фу Чжиюй мог что-то придумать, она могла сделать то же самое. Собравшись с мыслями, она снова прошептала: «Наследный принц и семья Сюэ всё ещё сомневаются. Я думаю, что шпионы, размещённые в нашем дворце, уже готовы действовать, пытаюсь выяснить, действительно ли ты глуп. А император, хотя он тоже проверял тебя, похоже, поверил довольно прямолинейно. Он...».

«Люди всегда верят в то, что хотят видеть» - сказал Фу Чжиюй. Он протянул руку, чтобы нежно вытереть слёзы с лица матери: «Давай не будем говорить о нём, давай поговорим о других вещах. Церемония Императорского Благородного Консорта начнётся через три дня. Я обязательно прослежу за Департаментом Императорского Хозяйства и прикажу им сшить самые красивые одежды для матушки. Тогда матушка-консорт станет самой красивой женщиной в мире».

Консорт Юнь фыркнула, похлопала себя по лицу и сказала: «Я уже стара, нечего выглядеть хорошо или плохо».

«Если я говорю, что ты красивая, значит, ты красивая» - мягко сказал Фу Чжиюй, держа её за руку. «Мама должна мне верить».

Супруга Юнь замолчала, просто посмотрела на него и улыбнулась.

С тех пор как она потеряла своего первого ребёнка, её сердце было почти мертво, и она только чувствовала, что её жизнь была тёмной и тусклой. Даже если Фу Цинъянь испортил её до небес несколько лет спустя, она только чувствовала, что этот человек крайне отвратителен.

Она даже подумывала о смерти. В конце концов, каждый день для неё был днём мучений. Переломным моментом стал Фу Чжиюй. Как чудо, её израненное тело забеременело ещё одним ребёнком.

Этот ребёнок почти не был похож на своего отца. Он был умным, добрым и милым. Он был её уникальным ребёнком. Супруга Юнь больше не была лишена любви. Казалось, она обрела новую жизнь и превратилась в крепкую, как железо, мать.

Но в прошлом Чжюй был очень занят. В юном возрасте он целыми днями читал и писал, иначе у него были бы другие дела, и иногда он не говорил ей и нескольких слов в день.

Но после того, как он заболел, он, казалось, изменился. Он был очень привязчивым. Он оставался с ней весь день, разговаривал и смешил её. Хотя в прошлом он всегда и так был сыном, сейчас он был не таким. Теперь он был готов говорить кокетливые слова, а его рот был сладким, как мёд. Он был рядом с ней, как мягкая ватная куртка зимой и доспехи, защищающие её.

Супруга Юнь чувствовала, что в эти дни она была намного счастливее, и даже когда она увидела Фу Цинъяна, она почувствовала, что он уже не выглядит таким раздражающим.

Она подумала, что было бы здорово, если бы так было и в будущем, чтобы они были как обычные мать и сын, а Чжюй не старался быть хорошим, а просто оставался с ней надолго.

Когда Фу Чжюй сказал, что собирается присмотреть за благоприятной одеждой Императорской Благородной Супруги, он не просто говорил, он действительно пошёл и сделал это.

Он не считал странным, что мужчина смотрит, как вышивальщицы во дворце делают одежду. В любом случае, то, что он делал сейчас, было для него нормальным, и он не боялся того, что говорили другие.

Новость о том, что Девятый принц получил титул Ван Чжао, распространилась очень быстро, и весь дворец знал об этом. И хотя было непонятно, почему принц поглупел, но стал ещё более благосклонен, теперь никто во дворце не осмеливался обижать дворец Лули.

Момо из вышивальной мастерской настороженно ждала в стороне, сопровождая Фу Чжюя с улыбкой на лице: «Не волнуйтесь, Ван Чжао, в вышивальной мастерской день и ночь кипит работа, а золотой шёлк и серебряные нити расходуются как текучая вода. Мы обязательно используем лучшие материалы, чтобы сделать самые роскошные благоприятные одежды для императорской благородной супруги Юнь».

Фу Чжюй кивнул, повернул голову и улыбнулся ей, сказав: «Момо не нужно нервничать».

Он посмотрел на Момо, которая была старой и вспотевшей, словно боялась, что он пришёл искать неприятности, и предложил ей сесть.

Момо посмотрела на него и сказала: «Господин не садился, как может эта рабыня...».

Фу Чжюй был беспомощен. Он уже давно находился в системном пространстве, и его мысли давно уже не были феодальными. Он подумал немного, взял стоявшую рядом тарелку с закусками, сунул её в руки Момо и сказал: «Момо просто сидит здесь, ест закуску и ничего не делает».

Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что то, как летали иголки и нитки вышивальщиц, было чрезвычайно увлекательным. В своей прежней жизни он никогда не обращал внимания на такие вещи, всегда был занят соревнованиями. Он не знал, что тёмный цветок на его одежде должен быть так долго и тщательно вышит вышивальщицей.

Хотя это была книга, и в ней не было ни слова об этой группе вышивальщиц, они всё равно существовали ради совершенства мира и жили своей собственной жизнью.

В любом случае, когда Фу Чжюй наблюдал за ними, ему казалось, что это гораздо интереснее, чем основной сюжет.

Он взял в руки серебряную иглу, просто чтобы посмотреть. Кто бы мог подумать, что он держит её неправильно, и игла уколёт ему палец.

Было не очень больно, но на кончике пальца выступила капелька крови. Фу Чжюй быстро вытер её, делая вид, что ничего не произошло, иначе дворцовые люди, следовавшие за ним, снова подняли бы шум.

Но после того, как кровь была стёрта, серебряная игла, случайно уколотившая его, медленно покраснела под взглядом Фу Чжюя, как будто она была заражена этой каплей крови. Фу Чжюй почувствовал, что она немного горячая, когда прикоснулся к ней. Через некоторое время он постепенно вернулся к своему первоначальному состоянию.

Фу Чжюй: ???

Что здесь происходит? Моя кровь... ядовита?

Он мгновенно отреагировал. Господь Бог рассказал ему о мутации, но в течение нескольких дней ничего не происходило, поэтому он оставил этот вопрос на потом.

Фу Чжюй нахмурился; в первую очередь он беспокоился о том, не пострадают ли каким-то образом люди, которые с ним общались, например, его мать.

Он не мог больше оставаться в комнате для вышивания, поэтому отложил серебряную иглу, повернулся и пошёл обратно во дворец.